

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

„Декамерон“ Боккаччо — один из литературных памятников далекого прошлого, получивший самое широкое признание; над ним не властны ни время, ни пространство, его читают уже многие века в самых разных странах. Прошло более пятисот лет после появления этой книги, но она по-прежнему привлекает внимание народов, которые переводят ее на родной язык, приобщая к своей культуре. Недавно вышло новое прекрасное издание „Декамерона“ — на японском языке, с многочисленными оригинальными иллюстрациями известного современного художника Мадзуо Икеда; совсем недавно были опубликованы его переводы на хинди и на грузинском. В ежегодном каталоге переводов стран мира, публикуемом ЮНЕСКО (Index Translationum), видное место среди литературной классики занимает „Декамерон“.

В чем причины непреходящего значения этого произведения, его новизны и актуальности? Очевидно, их следует искать в особенностях изображения человека — со всеми его достоинствами и недостатками, с его индивидуальными чертами, с его способностью творить добро и зло — а также общества — с его классами, с присущими ему интересами и страстями, с его культурой и традициями.

В „Декамероне“ Боккаччо отказывается от веками бытовавшей традиции, допускавшей единственный вид повествования — эпос и рассказ о героях, принадлежащих к высшему общественному классу, к аристократии. Влияние этой традиции мы находим и в „Ригведе“, и в Библии, и в гомеровских поэмах, а позднее в „Энеиде“ Вергилия — вплоть до *Chansons de geste* („Песни о деяниях“). Боккаччо положил начало повествованию, которое Гегель определил как „современную буржуазную эпопею“, повествованию, в центре которого — обычный человек и реальное человеческое общество. Впервые в литературе персонажами произведения

выступают не героические личности и не представители знатных родов и высших каст Древнего мира, а обычные люди с их повседневными проблемами, среди которых немалую роль играют любовь, секс, материальное благополучие, голод, семья, власть, труд, торговля, война и мир.

Наряду с возвышенным миром королей и рыцарей, королевских дочерей и благородных дам Боккаччо изображает жизнь деятельных и предприимчивых купцов, а также скромных людей труда. Купцы, люди энергичные и смелые, создающие ячейки новой европейской и средиземноморской экономики, осыпающие золотыми флоринами Лондон и Дамаск, Барселону и Черноморское побережье, представлены в „Декамероне“ как новый правящий класс, деятельный и прогрессивный, закладывающий фундамент капиталистического общества. Но рядом с купцами, рядом с крупной и средней буржуазией Боккаччо впервые в истории литературы изображает ремесленников, крестьян, батраков, слуг. Изображает с большим художественным мастерством и поэтичностью, с сочувствием и пониманием, отдавая должное их достоинствам. Симона и Сальвестра наделены благородством и героизмом в не меньшей степени, чем блистательные прищессы. Хлебник Чисти с его душевной тонкостью и незаурядным умом несколько не уступает прекрасным рыцарям и самым утонченным книжникам. Более того, человечность этих простых людей близка нам, трогает нас, потому что она непосредственна и искренна.

Боккаччо показывает человеческую ценность своих персонажей, подчеркивая не их социальное положение или внешние атрибуты: блестящие латы, роскошные платья, золотые украшения, а личные черты и достоинства.

Но в „Декамероне“ запечатлены не только добродетельные и одаренные люди. Не менее ярко нарисованы портреты людей порочных и подлых. Иногда это карикатуры в духе Босха или полотна в плутовской манере, изображающие низы общества: нищих, жуликов, воров, проституток. Созерцая грандиозную „человеческую комедию“, Боккаччо понимает, что в ней наряду с воинственными и могучими паладинами, находчивыми и хитроумными рыцарями золотых червонцев и героями, воплотившими нравственное величие, действуют рабы страстей, самых неистовых и самых низких, что наряду с миром героизма и добродетели существует во всей своей реальной жестокости мир порока. Только благодаря этому пониманию изображение человечества у него ста-

новится не отвлеченным и риторическим, а конкретным и значительным.

Именно в инстинктах человека, особенно половом и собственническом, Боккаччо видит самые сильные пружины человеческих действий и поступков. И потому изображает их не только в мрачных красках, не только в отрицательном свете, а с полным сочувствием и даже иногда с волнением. Так, некоторые резко очерченные фигуры мужчин и женщин, изображенные в момент, когда бушуют их страсти или когда их сдает алчность, некоторые образы законченных обманщиков и мошенников, наглых циников (представителей разных классов, но чаще всего — купцов и духовенства) оказываются в „человеческой комедии“ „Декамерон“ „героями“ не менее важными и показательными, чем те, что воплощают добродетель, великодушие, предприимчивость.

Исключительные сила воображения и проницательность художника помогли ему постигнуть сущность человеческой природы и общества и изобразить человека таким, какой он есть и каким он будет вечно: в его величии и ничтожестве, с его духовными взлетами и самыми низменными инстинктами. Ему удалось показать, что общество держится на основе сосуществования и взаимосвязи героев, наделенных смелостью, разумом, изобретательностью, трудолюбием и добродетелью, и людей, которыми управляют инстинкты и страсти. Как без одних, так и без других человеческое общество было бы представлено искаженно и односторонне. Только изображая человека во всей полноте его черт, во всех непосредственных проявлениях его натуры, можно создать картину человечества, которая сохранит свою ценность во все времена и для всех народов.

* * *

Могучее воображение, позволившее автору „Декамерона“ начертать „историю всех людей“, и реалистическая живость его многообразной „человеческой комедии“ обеспечили книге жизнь за пределами времени, которое она охватывает.

Пережив свою эпоху, треченто — кватроченто, „Декамерон“ продолжал триумфальное шествие по странам Европы и всего мира. Его известность достигла Востока, славянских, арабских стран, Индии, Японии, Китая, Северной и Южной Америки. Не было, вероятно, ни одного великого писателя или драматурга, который не испытал бы обаяния веселых и

трагических историй, сильных и нежных героев „Декамерона“. Более того, можно было бы сказать, что история европейской повествовательной литературы — это в какой-то степени история воздействия на нее Боккаччо: начиная от Чосера и Маргариты Наваррской, Ариосто, Аретино, новеллистов итальянского Возрождения, Лафонтена, „Фацеций“ и „Великого зеркала“ и кончая (не касаясь современной литературы) Пушкиным, Мандзони, Мопассаном, Д'Аннунцио и Лоуренсом, оно в определенной мере дает о себе знать.

На великих драматургов „Декамерон“ произвел такое сильное впечатление, что они упорно пытались перенести на сцену эпизоды этой грандиозной „человеческой комедии“. Не говоря об итальянских переделках для театра в XVI, XVII, XVIII веках, достаточно назвать имена Сантильяны, Жюля Висенте, Лопе де Руэды и Лопе де Веги, Мольера, Мюссе, Шекспира, Теннисона, Лессинга и, наконец, Гольдони. Не только проза и драматургия испытали влияние гения Боккаччо, часто и поэзия, великая поэзия (Полициано, Тассо, Ганс Сакс, Гёте, Китс и Лонгфелло), удачно варьировала отдельные боккаччиевские мотивы или в лирической форме развивала его образы. Яркость изображения и глубокая человечность „Декамерона“ объясняют его воздействие и за пределами литературы. Персонажи произведения, их действия и характеры так живо рисовались воображению, что, естественно, они в течение веков вдохновляли художников. Сотни ларей, на которых по желанию их владельцев — тосканских купцов были изображены сцены из авантюрных или возвышенных, героических новелл; тонкие и изящные иллюстрации в ценных экземплярах французских, бургундских, фламандских, английских (принадлежавших французскому королевскому двору — Филиппу Доброму, Диане де Пуатье, Франциску I, герцогам Беррийскому, Бургундскому, Глостерскому и т. д.) свидетельствуют об исключительном успехе „Декамерона“ у читателей разных классов по обе стороны Альп в XIV и XV веках. И не только желание увлеченных читателей побуждало к столь наглядной, почти утилитарной, интерпретации новелл, начало которой положил сам Боккаччо, украсивший цветными рисунками свой автограф (Гамильтоновский кодекс, 90). Помимо книжных иллюстраций, целый ряд талантливых художников яркой индивидуальности воплотили в своем искусстве человеческий и поэтический смысл некоторых новелл: от Пезеллино и Таддео Кривелли представители разных эпох и школ: Ботти-

челли, Синьорелли, Гирландайо, Филиппино Липпи, Эрколе да Роберти, Карпаччо — вплоть до Рубенса, Хогарта и Буше (мы назвали только наиболее известные имена, оставив в стороне многочисленных наших современников, начиная с Шагала) — все в той или иной степени вдохновлялись „Декамероном“.

Можно было бы говорить о том, что лексика „Декамерона“ вошла в литературный и разговорный язык, а мотивы и образы в декоративное и изобразительное искусство, в музыкальную драматургию и кинематограф (достаточно вспомнить фильм Пазолини) и другие жанры искусства.

История так называемой „судьбы“ „Декамерона“ прошла через века и континенты, она запечатлелась и в самых утонченных художественных формах, и в восторженной популярности среди читателей. Это — свидетельство бессмертия произведения, его глубокой человечности, самое убедительное и непосредственное; свидетельство, которое подтверждают сегодня многочисленные издания „Декамерона“, выходящие на разных языках, работы самых передовых исследователей, публикуемые во всем мире, вся современная литература и искусство, в которых ощущается дух Боккаччо, великого наблюдателя человеческой жизни.

* * *

В русскую культуру главное сочинение Боккаччо проникло давно, вызвав глубокий интерес. Об этом рассказала З. М. Потапова в своем докладе на конгрессе, посвященном шестисотлетию со дня смерти Боккаччо, проходившем во Флоренции 22—25 мая 1975 года. (Ее доклад опубликован в книге „Il Boccaccio nelle culture e letterature nazionali“.)

Творение Боккаччо стало известно в России в XVII веке. Отдельные новеллы, восходившие к „Декамерону“, попали в сборник анекдотических рассказов „Фацевий“, переведенных с польского языка. Отголоски декамероновских мотивов звучат в „Великом зеркале“. Помимо этих двух собраний, особый интерес представляет рассказ о верности жены, подвергнувшейся испытанию из-за того, что муж побился об заклад (сюжет лег в основу шекспировского „Цимбелина“); рассказ переведен с польского издания новеллы „Декамерона“ (II, 9) *.

* В скобках римскими цифрами обозначены дни, арабскими — новеллы.

о любви и смерти — история Танкреда и Гисмонды (IV, 1), переведенная в стихах с польского на украинский язык; и, наконец, русская версия лукавой и насмешливой боккаччьевской новеллы об обмене женами (VIII, 8).

Некоторые сюжетные схемы Боккаччо, как это ни удивительно, имели широкое распространение в России. Отдельные мотивы встречаются в фольклорном наследии: в сказках, опубликованных в XIX веке Афанасьевым, в былинах, в повестушках. „Декамерон“ прозвучал и в русской музыке: новелла о Федерико дельи Альбериги стала содержанием оперы Бортнянского „Сокол“ (1786).

В начале XIX века в русской литературе к имени Боккаччо стали обращаться ее классики. Батюшков переводит новеллу из „Декамерона“, Пушкин, защищая свою шутивную поэму „Граф Нулин“, ссылается на Боккаччо: критики „подняли противу меня всю классическую древность и всю европейскую литературу /.../ и ужели творцы шутивных повестей Ариост и Боккаччио, Лафонтен, Касти... известны им по одним лишь именам“. Прогрессивные революционные писатели упоминают Боккаччо. Чернышевский в романе „Что делать?“, написанном в тюрьме, утверждает устами своей героини, что „некоторые его рассказы... надо было поставить рядом с лучшими шекспировскими драмами по глубине и тонкости психологического анализа“, и с иронией высмеивает обвинения Боккаччо в непристойности: в какой-нибудь салонной беседе „женщина в пять минут услышит... больше сальностей, очень благоприличных, чем найдется во всем Боккаччио, и, уж конечно, не услышит... ни одной светлой, свежей, чистой мысли, которых у Боккаччио так много“.

Тридцать лет спустя благодаря крупнейшему итальянисту А. Н. Веселовскому, его большой монографии и переводу „Декамерона“, Боккаччо получил в России полноправное гражданство. Перевод Веселовского, оставшийся классическим и после переводов Журавской, Соколовой, Трубачева, стал явлением национальной русской культуры. Однако цензура, пренебрегая ироническими замечаниями Пушкина и Чернышевского, разрешила напечатать полное издание только в количестве 100 экземпляров, которые мог распространить лишь автор перевода. В свободную продажу поступили издания соответствующим образом сокращенные и „очищенные“.

Новый этап в судьбе произведений Боккаччо в России на-

чался после Октябрьской революции. На рубеже 20—30-х годов писателя рассматривают как одного из ее провозвестников, называют „активнейшим участником строительства новой эпохи“ (Предисловие к изданию „Декамерона“ 1930 г.). Новелла о трех перстнях, которую считают воплощением полного религиозного индифферентизма, новеллы о брате Луке и брате Альберте — бессовестных монахах-обманщиках, новелла о Мартеллино и ложном чуде были включены в серию „Рабочей библиотеки по литературе“, „Антирелигиозной библиотеки“, имевших очень широкое распространение. „Все это сегодня звучит достаточно наивно... и страдает чрезмерным социологизмом“, — замечает в своем докладе Потапова.

В те же годы или чуть позднее мы знакомимся с интереснейшими догадками Шкловского в его статье о „Декамероне“, с работами Дживелегова и Шишмарева. Эти видные историки литературы отказываются от наивного социологизма и занимаются исследованием Боккаччо в формалистском или историческом плане. Изучение творчества Боккаччо за последние двадцать пять лет — работы С. Мокульского, А. Смирнова, А. Михайлова, Н. Томашевского, Р. Хлодовского, А. Штейна — показывает, что вульгарный социологический подход полностью преодолен и что основное место занял конкретный и тщательный анализ текстов.

Гуманный реализм Боккаччо позволил ему пойти дальше Петрарки, по пути создания новых ренессансных жанров и стиля, превратив его творчество в истинную „лабораторию“ новой литературы, а его самого сделал „самым великим национальным и народным писателем Италии“. Эта определяющая черта была воспринята русской культурой.

Не случайно между 30-ми и 60-ми годами, несмотря на войну, „Декамерон“ в переводе Веселовского неоднократно переиздавался большими тиражами. Не случайно в 1970 году он вышел в новом переводе — Любимова (известного переводчика Сервантеса и Рабле). Не случайно режиссер Покровский поставил оперу Бортнянского и осуществлена ее грамзапись. Все это свидетельствует о новой вспышке интереса к Боккаччо, об увлеченности его творчеством не только советских деятелей литературы и культуры, но и широкой публики.

В. Бранка